Несмотря на неудовлетворительное состояние здания церкви, она сохранила свою историческую композиционно-планировочную структуру и обладает несомненной исторической, и градостроительной ценностью.

Силами прихода церкви и духовенства Горно-Никольского монастыря города Брянска выполнялись работы по консервации здания и временной защите от разрушения. Реставрация – сложный процесс, требующий высокого профессионализма, времени и средств. Много сделать сразу невозможно, но люди пытаются остановить или хотя бы замедлить процессы разрушения. Вырубить деревья на крыше и стенах, очистить от битого кирпича, благоустроить территорию. За время работы прихода выполнен ряд срочных работ по выведению здания из аварийного состояния. Очищается территория от битого кирпича, внутри здания выполнены временные навесы, предохраняющие от падающей штукатурки.

На первом этапе снаружи были возведены строительные леса, закрыты дверные и оконные проёмы здания, установлены подпорки в храмовой, трапезной части храма и притворе. Помещение алтаря ограничено работоспособное, имеются большие повреждения как стен, так и внутреннего убранства. Начаты работы по благоустройству прилегающей территории. На прихрамовой территории были устроены дорожки, разбиты цветники, клумбы, высажено несколько десятков плодоносящих деревьев и кустарников. Высажены декоративные кустарники. Восстановлен купол церкви, сооружен временный иконостас. Частично восстанавливается штукатурка и утраченные декоративные элементы. В храме установлены двери, временное крыльцо, укреплены оконные проёмы. Прилегающая территория активно облагораживается. Ежегодно высаживаются культурные и декоративные растения.

Финансовый вопрос являлся самым трудным на данном этапе. Тем не менее, работы по выведению здания из аварийного состояния не прекращались. Продолжается ремонт кровли, окон, дверей, укрепление конструкции церковного здания – стен, фундамента, купола. В помещении церкви была установлена печь для обогрева помещения, начались регулярные воскресные богослужения – молебны, панихиды, Великим постом в храме проводится соборование прихожан. Силами прихода работа по сохранению памятника истории и культуры родного края продолжается.

1. Афонина, Е.В. Восстановление сельских храмов как ступень возрождения духовно-нравственной жизни народа [статья] // Сборник научных трудов, по материалам XIII междунар. науч.-практ. конф. «Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии». - СПб: Изд. ЦНК МНИИФ «Общественная наука», 2018. – С. 21-23.
2. Пясецкий Г.М. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Болховской - Кромской уезды / Г.М. Пясецкий. - Орел : Тип. губерн. правления, 1905. - Т. 1. - С. 141-143.
3. Древо. Открытая православная энциклопедия. Княвичский Богородице-Рождественский храм. URL: <https://drevo-info.ru/articles/13676281.html>.

Зеленцова М.Г.

Социально-нравственные аспекты свободы

*Ивановский государственный химико-технологический университет
(Россия, Иваново)*

*doi: 10.18411/lj-05-2018-27
idsp: 000001:lj-05-2018-27*

Аннотация

В статье рассматривается понятие свободы в его философском, социально-философском и этическом аспектах. Показано, что свобода не противостоит детерминизму, и что ее понимание в индивидуалистическом смысле является ложным.

Ключевые слова: свобода, индивидуализм, детерминизм, мораль

Вероятно, не найти сейчас слова, которое по частоте употребления и по действительной значимости могло бы сравниться со словом «свобода». Но всегда ли оно используется в правильном смысле? В чем общая суть понятия свободы, которая должна сохраняться во всех случаях его частного применения? К сожалению, в современной философской литературе этому вопросу уделяется мало внимания. Нередко свободу у нас трактуют с позиций экзистенциализма и либерализма, но критики такой трактовки не видно, хотя, на наш взгляд, в этом есть необходимость. Свобода теперь зачастую понимается сугубо индивидуалистически – как абсолютная независимость личности от влияния общества, от государства. «...Выбор индивидуален, - говорится в одной из статей, - а оспорить его никто не имеет права, так как это было бы нарушением данной человеку Свободы» [1, с. 163]. Можно ли свободу в таком понимании считать истинной, подлинно человеческой? Чтобы ответить на этот и другие подобные вопросы, необходимо, прежде всего, дать определение понятия свободы.

Наиболее глубокими в мировой философии представляются определения Аристотеля и Спинозы. По сути, они сходны, но определение Спинозы имеет характер всеобщности, поэтому приведем именно его: «Свободною называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости собственной природы и определяется к действию сама собою» («Этика», с. I). Из определения ясно, что свобода - это беспрепятственность осуществления собственной, внутренней необходимости «вещи», независимость от внешних необходимостей (факторов), имеющих негативное значение. Свобода достигается на основе использования позитивных необходимостей (условий, факторов), прежде всего, отражения (на уровне человека – познания) внутренних и внешних необходимостей. Познание – неотъемлемое условие человеческой свободы, но не ее сущность. В своем общем значении понятие свободы является онтологическим и имеет характер всеобщности. Понимание общего смысла свободы – необходимая методологическая предпосылка исследования человеческой свободы.

Категория свободы охватывает все сферы бытия. На низших ступенях движения материи она выступает в простейшей, бедной содержанием форме. Так, в границах механической формы движения правомерно говорить о свободном падении тела, течении реки, перемещении планеты по своей орбите, имея в виду, что эти процессы определяются своими собственными законами, «внутренними необходимостями», совершаются беспрепятственно, без внешних помех. Еще более очевидна применимость понятия свободы к живой природе, к миру растений и животных. Например, растению нужно достаточно места для нормального, свободного развития корневой системы, нужен свободный доступ к солнечному свету. Птица свободна на воле и лишена свободы, если поймана и посажена в клетку. Смысл понятия свободы во всех этих примерах состоит, конечно, не в познании необходимости, а в независимости внутренней необходимости природы данного субъекта свободы от внешних необходимостей (сил), в беспрепятственности осуществления этой внутренней необходимости.

В применении к человеческому миру понятие свободы по своему общему смыслу остается тем же самым, хотя приобретает более сложное содержание. Момент познания необходимости входит в содержание понятия человеческой свободы и должен быть включен в его развернутую дефиницию, но он выражает не сущность свободы, а условие, средство ее обеспечения. То же самое надо сказать о практическом использовании человеком той или иной внешней необходимости, которая в таком случае является для него позитивной, в противоположность негативной, представляющей угрозу для его свободы. Критерием для их оценки является общая природа человека.

В советской философии нередко утверждалось, что с точки зрения марксизма нельзя говорить о человеке «вообще», ибо человек – это совокупность общественных отношений, а она всегда исторична, поэтому правильно говорить лишь о человеке той или иной эпохи. Это явная логическая ошибка. Разве в «совокупности общественных отношений» не может быть отношений общечеловеческих, общечеловеческих? В 1 т. «Капитала» Маркс писал: если мы хотим знать, что полезно для человека, нам надо понять, какова его общая природа. (При этом он отмечал, что последняя модифицируется

в каждую историческую эпоху). В современной философии понятие «общая природа человека» становится все более востребованным.

Человек по своей общей природе есть универсальное существо, микрокосм. Он включает в себя все структурные уровни мирового бытия – физический, химический, биологический и социальный – которые находятся в отношениях синергии, т.е., взаимодополнения и взаимодействия [2]. Смысл конкретной свободы человека определяется соответствующей необходимостью его природы, то есть какой-то стороной (например, биологической) или каким-то свойством (например, потребностью в творчестве) этой природы. Свобода – прежде всего средство, условие достижения человеком своих целей – ценностей, благ, к обладанию которыми он стремится. В то же время она является одним из человеческих благ, служит целью деятельности, необходимой для ее обеспечения. При этом она выступает в качестве одного из элементов общежизненного блага, ибо необходима не только в отдельных конкретных случаях, но в каждом из них, во всей их совокупности, на протяжении всей жизни человека. Отсюда следует, что свобода в каждом отдельном случае не должна противоречить возможности обладания свободой в любом последующем случае, а значит, ее (свободы) сохранению в будущем. Если конкретное проявление свободы не удовлетворяет этому требованию, то это значит, что оно не является полной свободой, в каком-то отношении оказывается несвободой.

В обобщенной форме целью всей деятельности человека является счастье, понимаемое в широком смысле, как благополучие жизни, приносящее удовлетворенность ею. Разумное понимание счастья не может быть индивидуалистическим, ибо человек – существо социальное, и вся его психология наполнена социальным содержанием; смысл жизни представляется им не как только нечто узколичное, но и как общественно-значимое, причем второе – как более высокое, чем первое. В «Никомаховой этике» Аристотель писал, что, говоря о самоудовлетворенности, мы не разумеем нечто такое, что удовлетворило бы человека, живущего исключительно для себя, жизнью одинокого, а то, что удовлетворило бы и его родителей, детей, жену и вообще друзей и соотечественников, так как по своей природе человек существо общественное. Первенствующее значение он придавал общему благу. Кант хотел строго разграничить понятия морали и счастья, но не смог провести эту точку зрения последовательно: он признал, что, если человек добродетелен, то он не будет радоваться жизни, не сознавая своей честности в каждом поступке, как бы ни благоприятствовало ему счастье в его физическом состоянии. Какая разница, признать ли моральную удовлетворенность компонентом счастья или его условием, как это считал Кант? Верно и то, и другое.

Подлинная свобода возможна при двух основных условиях: человек должен быть нравственным; гуманным, и справедливым должно быть общество, членом которого он является. Есть и еще одно условие: он должен быть достаточно разумным, чтобы уметь правильно решать встающие перед ним жизненные проблемы. Это понятно само собой, хотя в трудных случаях не так просто может быть осуществимо. Что касается первого условия, надо учитывать, что люди в моральном отношении, как и в любом другом, далеко не одинаковы. Все люди, исключая патологические случаи, наделены моральными способностями, но по степени развития и практической действенности они могут быть очень и очень разными. Одни твердо придерживаются моральных принципов, другие же ради личной выгоды, как они ее понимают, или по принуждению их нарушают. Большинство представителей любого народа в обычной обстановке склонно к «легальному», правильному, с точки зрения морали и закона, поведению, но многое в этом отношении зависит от экономического положения общества и политических влияний. Поведение индивидов детерминировано чрезвычайно сложным образом: играют роль и врожденные психологические особенности, и прижизненные влияния – семьи, школы, друзей, возможно, криминальных элементов и т.д. Что касается второго условия – роли общественного строя в осуществлении свободы индивидов, то она является главной и определяющей. Все зависит от того, каков этот строй.

При первобытно-общинном строе потребности членов социума обеспечивались в равной степени, никто не служил средством одностороннего использования для других, и

в этом отношении все были равно свободными, хотя в смысле самостоятельности индивидуального поведения мера свободы была еще крайне мала. Индивиды с негативными задатками вынуждены были подчиняться общему порядку, власти коллектива и его вождя. В течение десятков тысяч лет существования первобытного коммунизма мораль была эффективным регулятором поведения в границах рода, племени и союза племен. С переходом же к классовому строю и частной собственности связан моральный упадок, о котором писал Ф.Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», основываясь на исследовании Л.Моргана родового общества. В новых условиях общая природа человека, как и мораль, сохраняется, но подвергается существенной деформации. Индивидуалистическая тенденция в психологии и поведении людей становится решающей силой, гармония в социуме уступает место дисгармонии, борьбе «всех против всех», на смену равенству приходит неравенство. Равноправное сотрудничество и взаимопомощь, свойственные общей природе человека, заменяются эксплуатацией одних людей другими, общество, его высший слой, органы управления являются жестокими, бесчеловечными по отношению к низшему слою, что ведет к его духовному и физическому вырождению. Все это характерно и для капитализма, идеологи которого прославляют его как «свободное общество». На самом деле, если оно и «свободно», то для безнравственности и преступности. Большинство населения, трудящиеся массы, подвергаемые эксплуатации в качестве средства для обогащения буржуазии, конечно, свободными в экономическом и политическом смысле не являются. Лишь в борьбе за свои права они завоевывают некоторую меру свободы. Но и эта частичная свобода ликвидируется, как только она становится опасной для господствующего класса и его правящего слоя.

Что представляет собой свобода в ее буржуазном понимании? Ответ на этот вопрос пытается дать, как уже отмечалось, идеология либерализма, идеализирующая и возводящая в абсолют буржуазные рыночные отношения. Свобода, с точки зрения «теории» либерализма, – это некое природное качество индивида, возможность принимать самостоятельные решения, исходя из своего личного интереса. С этим связано и понимание демократии как свободы личности, хотя по своей сути демократия означает нечто совсем другое – власть народа, общества в целом, которая, как очевидно, может в меру необходимости ограничивать свободу отдельных лиц. Уже это говорит о противоречивости и софистичности либерализма. Никакая свобода не может быть неопределенной, безграничной. Ведь и в буржуазном обществе есть право, законы, нарушение которых влечет за собой наказание, что не согласуется с принципом абсолютной свободы личности. Как в таком случае быть с утверждением, что благо человека – высшая ценность? Выходит, что есть нечто более высокое – благо общества как целого, государства, всех граждан, охраняемое законами? А как быть с принципами и нормами морали? Разве они не ограничивают свободу личных желаний и стремлений? Если каждый – «высшая ценность», то всякое желание – «высшая цель». А если эти цели противоречат одна другой? При таком понимании разумного способа разрешения этого противоречия не существует. Остается борьба не на жизнь, а на смерть, «война всех против всех». И действительно, либерально-буржуазная «рыночная» экономика – это поле такой борьбы, безжалостной, бесчеловечной конкуренции, в которой побеждают одни и терпят поражение другие. Но быть подлинно свободным, надежно обеспечивать осуществление своих целей (насколько это зависит от экономических и других общественных условий) здесь не может никто.

С точки зрения такого направления в философии, как индетерминизм, человек обладает свободой воли, которая не зависит ни от каких условий, является «безосновной», коренится не в бытии, а в некотором его «просвете», то есть в небытии, или в потустороннем мире. Такова, например, позиция экзистенциализма, с которым в этом плане, по сути, согласуется либерализм. Экзистенциализм за основу принимает некую экзистенцию – бескачественное существование, которое предшествует сущности. Отсюда следует, что человек изначально свободен в выборе своей сущности, и, якобы, поэтому несет ответственность за свои действия. Цель благая – обоснование моральной ответственности,

но средство – само это обоснование – ложно. Достаточно понять, что бескачественное «существование» не может быть основой определенной направленности выбора. Человеческий выбор предполагает наличие человеческих потребностей и интересов. Чтобы сделать такой выбор, принять целесообразное решение, воля должна основываться на содержательных предпосылках – на понимании требований человеческой природы, выражать желания, стремления человека, руководствоваться его знаниями о себе и о мире, в котором он живет. Выходит, что воля зависима, причинно обусловлена. В чем же тогда состоит ее свобода, по отношению к чему (для чего) и от чего она свободна?

Свобода воли заключается не в ее якобы необусловленности, а в способности обеспечивать осуществление необходимости человеческой природы, потребностей и интересов человека и, с другой стороны, в возможности быть независимой от тех сил, внешних и внутренних, которые этому препятствуют. Воля подлинно свободна, если она побуждает человека действовать в целях достижения его истинного блага – путем соблюдения закона высшей социальной целесообразности, обеспечения единства, согласования личного и общественного, а, значит, если она руководствуется требованиями морали [3].

Чтобы правильно истолковывать принцип детерминизма, надо учитывать диалектику взаимосвязи общего и единичного. Всякий конкретный процесс подчиняется не только общим законам, но имеет и свои внутренние особенности, не является простым следствием внешних причин, а заключает в себе свою собственную причинность. На это указал Эпикур, говоря, что атом может отклоняться от общего направления движения. Лейбниц высказал мысль, что не существует двух абсолютно тождественных вещей. Это значит, что изменения в каждой вещи будут зависеть от ее собственной природы. В этом смысле можно сказать и о воле, что она имеет свою собственную природу, а, значит, способна действовать самостоятельно по отношению к каким-то внешним влияниям, то есть быть свободной от них.

Свобода воли – форма человеческой свободы и средство ее обеспечения. Воля служит не самой себе, а человеку, волей которого она является. Содержание воли определяется необходимостями, присущими природе человека. Она выражает и реализует, в качестве управляющей инстанции, побудительной силы, эти необходимости. Но вместе с тем, она должна быть независима от тех из них, которые противоречат основной, общей и главной, то есть необходимости обеспечения благополучия жизни в целом. В этой независимости также заключается смысл понятия свободы воли, а, значит, и свободы человека. Чтобы быть свободным в общем и главном, человек должен обладать разумной волей, способной преодолевать частные необходимости, присущие потребностям и желаниям, вредным как для него лично, так и для других людей, для общества в целом. Ведь понятно, что творимый им вред рикошетом возвращается к нему самому. Может быть, именно в этом состоит главный смысл известных слов о том, что свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Иначе говоря, свобода одного не должна быть препятствием для свободы других, больше того, должна способствовать свободе всех. Но это возможно лишь в обществе, где имеет место социальная гармония.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что понимание либерализмом свободы как ничем не обусловленного «абсолюта» совершенно ложно. Свобода «рыночного» человека на самом деле обусловлена узкими рамками буржуазных, товарно-денежных отношений, эта «свобода» является рабской зависимостью человека от этих отношений, которые принудительно отчуждают его от подлинной человеческой природы, делают его одномерным и извращенным, враждебно противостоящим другим людям и обществу в целом.

В современную эпоху существует и возможность, и необходимость создания таких социальных условий, при которых каждый человек обладал бы свободой обретения подлинно человеческого, то есть нравственно оправданного благополучия, счастья жизни. Такие условия возникают в результате перехода от капитализма к социализму, общественному строю социального равенства. При наличии этих условий решающее

значение приобретает система образования и воспитания подрастающего поколения. Главное место в этой системе должно занимать нравственное воспитание.

В начале статьи было приведено характерное для нашего времени высказывание: «... Выбор индивидуален» и «оспорить его никто не имеет права, так как это было бы нарушением данной человеку Свободы». Здесь индивидуальная свобода абсолютно противопоставляется социальной, свобода одного – свободе других, отрицается возможность влияния одних людей на волю других, общества – на свободу отдельной личности. Такое понимание совершенно неубедительно, противоречит элементарным фактам. Спрашивается, можно ли оспорить выбор ребенка или подростка? А если можно, что вряд ли стоит доказывать, то неясно, с какого возраста нельзя? Как говорят, век живи, век учись и т.д. Так что основания для того, чтобы оспорить выбор любого человека до конца его жизни, могут всегда появиться, несмотря на всю его «индивидуальную Свободу».

Индивидуальное нельзя понимать как нечто, исключаящее социальное. Оно проникнуто социальным содержанием, определяется обществом и может им «оспариваться», если отклоняется от его интересов и требований. От свободы одного зависит свобода других, поэтому все индивидуальные свободы должны быть согласованы между собой, а, значит, подчиняться социальным законам, лежащим в основе их взаимного согласования, - законам морали и права.

1. Шульгина А.Б. Нужна ли обществу философия? // Вестник РФО. 2008. № 2. С. 159-163.
2. См.: Зеленцова М.Г. Монистическая парадигма философского понимания мира и человека. Монография. – Иваново: ИвГУ, 2001.
3. См.: Гумницкий Г.Н. Основы этики. Монография. 2-е изд. – Иваново: ИВГПУ, 2016.

Ивлев И.Ю.

**Особенности развития инноваций в контексте пост-неклассической
рациональности**

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-05-2018-28

idsp: 000001:lj-05-2018-28

Аннотация

В данной работе проведено исследование особенностей развития инноваций в контексте пост-неклассической рациональности. В основе данного исследования лежит изучение основных принципов, которыми руководствуются разработчики инноваций, по средствам опроса.

Ключевые слова: инновации, прогнозирование эффектов, пост-неклассическая рациональность, НБИК-технологии

Исследовательская деятельность в контексте пост-неклассической рациональности приобретает специфические черты. В содержание истинного знания об объекте исследования включаются не только знание о его содержании и средствах познавательных процедур, но и ценностные ориентиры при оценке результатов исследования. При такой установке модель мира характеризуется сложной структурированностью нелинейных открытых систем, в которых велика роль исходных условий, объективных и субъективных моментов познания.

Прогнозировать будущие состояния таких систем непросто. Методы статистического анализа, основанные на принципе вероятностного детерминизма - наиболее подходящий инструмент для исследования таких системных объектов. Они позволяют с достаточной долей достоверности просчитать различные варианты развития